

И.К.Комаров

Пришедшие с неба. Сорокалетие

Эпизоды драмы

Статья посвящена трагическим событиям, произошедшим 40 лет назад в Перу. В ней дана оценка самоотверженному труду десятков советских людей при ликвидации последствий чудовищного по масштабам землетрясения 1970 г. Работа написана на основе личных воспоминаний автора, являвшегося непосредственным участником описываемых событий. Объем статьи не позволяет упомянуть поименно всех членов экспедиции непосредственно в тексте, но их полный список дан в конце работы.

Ключевые слова: Перу, землетрясение, советские добровольцы, медицинская помощь, медицинский отряд.

31 мая 1970 г. страшное землетрясение потрясло Перу. Его эпицентр находился в океане, в 70 км от портового города Чимботе. За 40 секунд было разрушено 250 населенных пунктов, погибли свыше 70 тыс. человек. Целые города и поселки были сметены с лица земли, около миллиона — раненых, больных, оставшихся без крова. Общий ущерб составил 10 млрд перуанских солей.

Особенно пострадал город Юнгай. Одна из вершин горы Уаскаран — около 80 млн т льда и камня — оторвалась с высоты 6 тыс. м во время землетрясения, выплеснув горное озеро. Лавина шириной в 900—1000 м накрыла город, замуравив его 8-метровым слоем грязи, который, засыхая, цементировал весь город в гигантский каменный монолит. Селевой поток, устремившийся вдоль реки Санты, разрушил и унес в океан несколько мелких поселков...

В числе первых, кто протянул руку помощи перуанцам, были советские люди. В июле 1970 г. в Республику Перу были направлены полевой госпиталь на 200 коек, звено санитарных вертолетов Ми-8, 100 сборных жилых домов, машины и механизмы, оборудование для трех детских домов.

В считанные дни был сформирован добровольческий медицинский отряд в составе 55 человек. В него вошли врачи и фельдшеры различных

Илья Константинович Комаров — доктор экономических наук, Заслуженный экономист РФ, академик Российской экономической академии, Международной академии регионального сотрудничества, Международной академии инвестиций и экономики строительства (irinakomarova@mail.ru).

Последствия землетрясения

специальностей. Вместе с высококвалифицированными профессионалами ехали молодые специалисты и студенты старших курсов медицинских вузов. В числе добровольцев была и группа альпинистов.

С районом, где произошли наибольшие разрушения, связи не было. Пробраться через образовавшиеся завалы в Черных Кордильерах было невозможно. Самолеты-разведчики не могли пробиться сквозь пылевую завесу, висевшую над землей несколько дней. Только через 64 часа первые смельчаки-парашютисты добрались до города Уарас — столицы департамента Анкаш, особенно пострадавшей от землетрясения.

В соседнем с Уарасом городе Юнгай увиденное потрясло... Мертвая пустыня, над которой возвышалось кладбище, по индейскому обычаю расположенное на холме и потому уцелевшее. На его вершине — многометровая фигура Христа с распростертыми руками. В одно мгновение он принял в свои объятия более 25 тыс. человек.

Правительство создало комитет по оказанию экстренной помощи и направило в него наиболее способных людей. Несмотря на тяжелое финансовое положение, деньги изыскивались. Однако на первых порах власти не предпринимали сколько-нибудь действенных шагов. Раскопки практически не проводились, появились очаги эпидемии. Обширный район остался без медицинской помощи. Часть врачей и санитаров погибли во время землетрясения.

Всего в Перу — 7 тыс. врачей. Получить профессию врача может человек только из богатой семьи: слишком высока плата за обучение. Услуги врача дороги. Несмотря на призыв правительства, из Лимы в район землетрясения прибыли только 26 человек. Частные больницы своим врачам выехать не разрешили.

Разработка маршрутов выездных групп

Речь зашла о предоставлении помощи извне. Первыми пришли на помощь кубинцы, отправив отряд специалистов и 10 тыс. л донорской крови. Благое начинание было поддержано и другими странами, в том числе и нашей. Советское правительство послало телеграмму соболезнования и отправило самолет со средствами первой помощи.

29 июня меня пригласили к секретарю ЦК ВЛКСМ и поручили немедленно приступить к комплектованию отряда в качестве заместителя командира. Срок подготовки — семь дней. Командиром отряда назначили работника аппарата ЦК ВЛКСМ Генриха Александровича Бычкова, начальником штаба — Константина Армаисовича Гадакчяна, комиссаром — меня. Вскоре начали работать и другие члены штаба, в том числе и Роберт Александрович Тошаков, утвержденный главным врачом отряда. К концу срока, определенного ЦК КПСС, были отобраны 100 человек.

Через пять дней половина экспедиции выехала на базу. Не было ясности, где, в каких условиях она будет действовать. Предусматривалось, что каждая группа на вертолетах будет забрасываться на несколько дней в труднодоступный район для оказания медицинской помощи, а тяжело больных предполагалось эвакуировать в госпиталь. Мы должны были работать на высоте от 3 до 5 тыс. м, и, учитывая это обстоятельство, в состав отряда были включены три альпиниста.

В Подмоскowie, где проходила подготовка отряда, у нас был жесткий распорядок дня, предусматривающий напряженные физические тренировки. Все мы изучали испанский язык, историю и географию Перу. Среди нас было много студентов и молодых врачей. 12 июля транспортным самолетом АН-12 я вылетел в Лиму. На мою долю выпала обязанность подготовить все для

встречи отряда. Товарищи, которые должны были перед отъездом обеспечить меня питанием и валютой, в спешке забыли вручить и то, и другое. Полет от Москвы до Лимы занял 48 часов с пятью посадками для заправки.

Последний бросок — самый трудный за двое суток полета. Высота — 8 тыс. м. Самолет ежеминутно бросает. Внизу — океан однообразных облаков. И вдруг, сверкая снежными гранями, появляются величавые вершины Анд. Странно лететь на такой высоте и так близко к поверхности земли.

Садиться в Лиме, окруженной ожерельем гор, задача сложная. Положение ухудшает сплошная облачность. Тучи местами цепляются за крыши высотных зданий. Но высокопрофессиональные летчики выводят самолет прямо на посадочную полосу. Нет, не зря латиноамериканская пресса вскоре отметила мастерство русских пилотов.

Мы приземлились в Лиме. Она встретила нас дождем. Но, несмотря на это, на аэродроме нас ждали. Мы мгновенно оказались в кольце репортеров, замелькали фотовспышки, последовала тысяча вопросов, и прежде всего, кто я такой? На мне была форма, принятая в студенческих строительных отрядах. Она вызвала интерес у всех присутствующих. С трудом подбираю слова и объясняю, что я представитель молодежного медицинского отряда. Рассказываю о значении нагрудной эмблемы, где на красном и желтом фоне вышиты серп и молот, а выше выведено — СССР. Объясняю значение каждой буквы. На нарукавной эмблеме написано по-испански USSR, то есть СССР. К удивлению, многие не знают, что такое USSR. Вопросы настойчиво повторяются: «Вы доктор?». Понимая, что объяснить в этой обстановке, даже владея испанским, что я не доктор, а инженер, один из руководителей отряда, невозможно, покорно соглашаюсь: «Си, сой доктор». Таким образом, я стал «доктором Илией».

На следующий день выяснилось, что интерес к моей особе не был случайным. Корреспонденты журнала «Рапогата» сказали, что наша форма похожа на форму боливийских партизан. Я растерялся, зная, что в стране много недоброжелателей, которые могли неверно трактовать эту случайность. Как быть? Беспокоить посольство по такому вопросу не хотелось. Отгладив форму, я поехал с официальными визитами представляться: я не боец боливийской повстанческой армии, а представитель молодежного медицинского отряда.

17 июля перуанцы тепло встретили советскую медицинскую экспедицию. Все левые газеты широко осветили приезд отряда, отдав дань «ослепительным советским сеньоритам». Два дня отряд провел в Лиме. Было много интересного, масса народу приходила посмотреть на русских, но настроение у нас было не лучшее: приехали помогать, а сидим без дела. К тому же, 19 июля из газет мы узнали об исчезновении АН-22, потерпевшего крушение в пути. Погибли 22 человека — добровольцы и экипаж. Наконец, 20 июля с первой группой отряда в 20 человек на военном перуанском самолете вылетели в зону землетрясения. Самолет набирал высоту, пересекая Кордильеры. Кабины негерметичны. Летчики надели кислородные маски. Нам дали резиновые трубки, подключенные к кислородному баллону.

Старенький «Дуглас» трясло все сильнее — он уходил в горы. Ему предстояло пробиться через цепь Черных Кордильер в узкую долину Кальехон-де-Уайлас, замкнутую с противоположной стороны высокой горной грядой — Белыми Кордильерами. Через узкий коридор ущелья самолет соскользнул в долину. Снизаться почти не приходится: аэродром Анта расположен на высоте около

3 тыс. м. Мелькают дома поселка. Точнее, не дома, а только остатки стен среди желтых клочков полей. Это все, что успеваем рассмотреть.

Огромный автобус пылит по дороге, ведущей к Уарасу, центру департамента Анкаш. Жарко. Вокруг почти никакой растительности. Только заросли кактусов немного оживляют рыжевато-серые склоны гор, разбегающиеся вверх по обе стороны дороги. Путь преграждают огромные завалы — следы землетрясения. Бульдозеры вспарывают их толщу, прокладывая дорогу машинам. Автобус минует несколько селений. Свисающие к земле тростниковые крыши, подпираемые уцелевшей стеной дома, груды земляных кирпичей и торчащие из них несколько балок... Людей нигде не видно.

Остановились на окраине Уараса, в небольшой роще из высоких, серебристо-пепельного цвета эвкалиптов. Здесь, на поляне, разделенной зарослями кактусов и рядами эвкалиптов, будет развернут советский госпиталь. Именно на этом месте в будущем возведут центр нового Уараса — старый лежит сейчас в руинах. Вокруг, насколько видит глаз, — горы. Высота — 3200 м. Уже сильно чувствуется разреженность воздуха. Резкое изменение высоты заметно отражается на нашем состоянии. Нужно несколько дней, чтобы приспособиться к новым условиям. Но времени на это нет. Люди ждут помощи. Их сотни, тысячи. Начали подходить грузовики, доставившие из Лимы оборудование госпиталя: большие палатки, кухню, рентгеновский кабинет; разгружали своими силами. Дышать трудно. Кружится голова, сохнут и трескаются губы. Солнце палит нещадно: восьмой градус южной широты, рукой подать до экватора. Трудно.

К концу дня поставлены первые палатки. Разбили лагерь, соорудили временную столовую, выстроили туалеты и даже душевую. Для этого использовали все подручные материалы. Это не Россия, лес здесь — на вес золота. Мэр города с большим трудом достал и торжественно преподнес нам шесть досок — королевский подарок! На следующий день несколько человек остались благоустраивать лагерь, остальные отправились возводить полевой госпиталь.

Как только заработала наша походная электростанция, большинство ребят приступили к комплектованию аптечек для выездных групп. Пришлось воспользоваться медикаментами, присланными из разных стран. Перуанские врачи их почти не использовали: не хватало знания языка, времени, терпения, чтобы разобраться в назначении каждого лекарства. Что было не под силу немногочисленным местным врачам, оказалось по плечу отряду.

Горная дорога в Андах

Деревенская площадь

Мы еще не успели поставить палатки, а в лагерь уже привезли первого пациента — пятилетнего мальчика-индейца. Спасти ребенка не удалось, потому что к тому моменту у нас еще не было ни медикаментов, ни инструментов. Смерть мальчика мы переживали очень тяжело. В тот же день к нам снова обратились за помощью — тяжелые роды. Спешно выехали на помощь.

Под наспех сделанным навесом, прикрытым с трех сторон ветками, мучилась женщина. Холодно. Ветер. Она лежит в куче лохмотьев. Здесь же возятся грязные голодные детишки. На единственном табурете сидит монашка-американка из Корпуса мира и читает молитву. При виде советских врачей она демонстративно поворачивается и уходит. Более двух часов врач борется за жизнь матери. Наконец, на свет появляется крохотное существо без признаков жизни. Тянутся длинные минуты. Вместе с криком новорожденного невольно вырывается затаившееся дыхание толпы.

Завхоз отряда выделяет роженице из наших немногочисленных запасов сгущенное молоко, шоколад и другие деликатесы. На следующий день по городу пошла молва: русские воскресили мертвого. Мальчика назвали Валентин. До отъезда отряда новорожденным, которых приняли молодые врачи отряда, дали еще 15 русских имен.

Пыльная улица. Совсем недавно ее расчистили от обломков разрушенных зданий. Прямо на асфальте сидит мальчишка, ему лет 12. Внешне он ничем не отличается от своих сверстников, таких же неумытых и оборванных. Кажется, мальчишка здесь сидит всегда. Он сидит и щепкой разметает дорожную пыль, ковыряет асфальт. Неизвестно, когда и где он ест, спит, отдыхает. Снуют машины, обдавая его волнами пыли. Сердобольные про-

хожие уводят его с дороги, но он ожесточенно, не поднимая головы, вырывается, и снова бежит на свое место продолжать работу, которую ему, кажется, никогда не закончить: он откапывает свою маму, ее завалило у него на глазах в тот страшный день 31 мая. Нам пришлось оказать помощь сотням людей, получившим во время землетрясения нервное потрясение. Но в памяти все их лица сливаются, превращаются в лицо 12-летнего мальчика, в безумных глазах которого затаилась надежда.

Через неделю после прибытия в Уарас состоялось торжественное открытие лагеря, а еще через день начался разъезд групп в зоны, больше всего пострадавшие от стихии. Выездные группы формировались по 6—10 человек и включали врачей, фельдшеров, студентов и переводчиков. Группы были полностью оснащены медикаментами, инструментарием, прививочным материалом. Возглавляли группы врачи с большим опытом практической работы и один из членов штаба отряда. Первая группа выехала в город Манко, другие — в Уайлас и Юнгай. Вскоре в базовом лагере остались только двое дежурных для организации связи с группами, разбросанными по обширным склонам Белых и Черных Кордильер.

Работать выездным группам приходилось в сложных условиях: разруха, бездорожье, эпидемии. В день оказывали помощь 100—150 пострадавшим и больным — без перерывов и выходных. Большинство пациентов — индейцы, 70% которых не говорят по-испански. Приходилось осуществлять тройной перевод: с кечуа (родного языка местных индейцев) на испанский, с испанского на русский и наоборот. Жили в разрушенных зданиях, пищу готовили на кострах, керосинках, примусах. На настроении это, однако, не сказывалось. Проблем психологической несовместимости не было. Философски члены отряда относились к кашам и макаронам. В выездной группе все равны: остепененный врач, «зеленый» студент, опытный фельдшер — все по очереди готовят обед, моют посуду, убирают помещения. Поразному складывались отношения с населением, властями, но финал был везде одинаков — уезжая, члены отряда всегда оставляли за собой друзей. Этот потенциал ребята сохранили и в последующие годы, что позволило им вырасти в прекрасных специалистов.

Дальше других на север ушла группа, работавшая в Уайласе. Добирались туда по головокружительной дороге, пересеченной обвалами и осыпями. Позже ребята рассказывали, что машина каждую минуту могла сползти вниз по рыхлому склону. От сильных порывов ветра с гор начинали сыпаться камни, грозившие разбить автомобиль и увлечь его за собой. Как и везде, больных очень много. С утра до темноты у дверей — большая очередь ожидающих приема. Вечером, добравшись до спальных мешков, засыпали, как убитые, чтобы с рассветом начать снова.

Трудно приходилось переводчикам. В рабочем дне — ни минуты отдыха: жалобы каждого больного, решение хозяйственных и организационных вопросов с местными властями без участия переводчика не обходятся. Иногда даже ночью они вскакивали и, не просыпаясь, обращались к кому-то по-испански: «Как вас зовут? Где болит?». Жители знали, что советские медики никому не отказывают в помощи, когда бы она ни потребовалась, днем или среди ночи.

В сложных условиях особенно доставалось женщинам. Однажды в отряд пришел парень лет 16 и стал упрашивать помочь его больной матери. Народу на приеме было много, вырваться и тем более забрать с собой переводчика не бы-

ло возможности. Но отказать индейцу мы не могли. Во время обеда ребята почти бегом отправились к нему в дом. Преодолевая развалины полностью разрушенных улиц окраины, вышли за город. Жилище, если можно так назвать то, что они увидели, находилось в полукилometре от города. Посреди поляны в два яруса полукругом были уложены камни, сверху прикрытые ветками. Войти можно было только ползком. Внутри шалаша, или, скорее, норы, на грязной шкуре лежала женщина. У нее на груди возился годовалый малыш, рядом, чуть постарше, ползал второй. У больной — полный упадок сил и крупозное воспаление легких. Что делать? Госпитализировать некуда, перевезти тоже. Днем здесь жарко, ночью холодно. Нечего есть. Трудно перечислить все, что сделали ребята, чтобы поднять эту женщину на ноги.

Через неделю мы навестили больную. Она уже могла самостоятельно двигаться, выползла из норы и ослабевшей рукой протянула плату за посещение. Это были пять яиц — дань единственной курицы, имевшейся в ее хозяйстве. Она не давала их детям, чтобы расплатиться с врачами. Когда мы отказались от платы и, более того, дали денег, по ее лицу потекли слезы. Впервые после того трагического дня, когда был разрушен ее дом и погиб муж, ее семье помогли.

Ребята работали в трудных условиях, пришлось испытать все: и голод, и жажду, отдавать свою кровь, спасая детей, идти на риск, выезжая в районы, пораженные эпидемиями. По карте от Уараса до Юнгая 40 км, до Уари — 100, до Льямеллина — 60 км. Чтобы доехать от Уараса до Льямеллина, необходимо преодолеть цепь Белых Кордильер. Преодолев, наконец, один из самых опасных перевалов восточных отрогов с его отвесным трехкилометровым обрывом — Эль-Сальто, спуститься в долину к Мариньону — основному истоку Амазонки и снова подняться на высоту за 3000 м. Здесь стоит Льямеллин и кончается дорога. Дальше только индейские тропы продолжают бег в сторону нетронутых джунглей.

Наша группа работала за Белыми Кордильерами, в Уари. Когда поток больных стал уменьшаться, по просьбе монсеньора Туйо — главы закордильерской церкви и военных властей — было принято решение выделить из этой группы самостоятельную и направить ее в Льямеллин. 17 августа рано утром группа выехала. Дорога на перевал утомительна, она поднимается все выше и выше, местами пересыпана щебенкой и мелким камнем, оползающим сверху. Вот еще один завал. Машина подходит к нему медленно и пробует преодолеть. Где-то на середине завала колеса погружаются в сыпучий мелкий камень. Машина буксует. Шофер пытается раскатать ее, но вся масса завала, преградившего дорогу, начинает медленно оползать в пропасть. Автомобиль быстро разгружают. Вручную проделывают колею. Сверху то и дело осыпаются камни. Когда колея готова, врачи со всех сторон обступают машину и, удерживая ее, чтобы она не сползла в пропасть, помогают выбраться из завала.

Все устали, с нетерпением ждут перевала, но дорога ползет все выше. Вот она упирается прямо в гору. Гора почти отвесная, покрытая редкими пятнами зелени. Каким-то чудом дорога прилепилась к скале и, петля за петлей, взбирается к ее вершине. Все облегченно вздохнули — на горе. Там, на высоте 5 тыс. м, пробит туннель, выходящий в тыл Белых Кордильер. Дорога — уступ между провалом с одной стороны и уходящей вверх стеной камня с другой — очень узкая. Через стекло дверцы не удастся увидеть край обрыва, вдоль которого катятся колеса, видно только дно

Проводы советских специалистов

ущелья, темнеющее далеко внизу. Со встречной машиной не разминуться. Для разъездов служат специальные площадки. Повороты иногда настолько круты, что проехать их удастся, только подавая машину вперед-назад, заворачивая колеса по самой кромке обрыва. Понятно, почему в начале дороги шофер, глядя на изображение Девы Марии, прилепленное к приборному щитку, оторвал руку от руля и несколько раз быстро перекрестился. Через темную горловину туннеля дорога выкатывает на другую сторону горы. Справа, далеко внизу, тянется узкая долина. Слева, примкнув уже к следующей горе, желтой лентой вьется наша дорога. Она уходит куда-то вверх за облака. Впереди между двух гор образовалась седловина. Седловина и плоская вершина гор пестрят крошечными квадратиками крестьянских наделов. Каким чудом они обрабатывают свои поля на таких крутых склонах и на такой высоте, — уму непостижимо.

Недалеко от перевала дорога проходит мимо нескольких домишек с маленькой церковкой, увенчанной двумя башенками. Хозяин этого поселения живет в Лиме. Он не может жить высоко в горах. Здесь живут трое его сыновей. Двое уже женаты. Все земли вокруг принадлежат им. У них 3 тыс. голов крупного рогатого скота. Часть земли они сдают пеонам. За это пеоны три дня в неделю работают на хозяина. На себя работают два дня, один день — на общину, церковь или государство.

Но вот и перевал. Позади далеко внизу маленькой и безобидной кажется отсюда первая гора, которая вблизи казалась непреступной, и никому не верилось, что на нее можно въехать на машине. Спуск оказался более утомительным, чем подъем. Бесконечно, петля за петлей, стелется дорога. Все устали и мучительно борются со сном, только шофер стойко переносит тяготы пути, но и он утомлен. Дорога трудная и опасная. Водитель, как и его пассажи-

ры, едет по ней первый раз, его стараются ничем не отвлекать. Совсем недавно здесь свалился в пропасть автобус. К вечеру спуск окончен. Перед въездом в деревню скопилось несколько машин, загородив дорогу. Каждая машина здесь редкость, и вдруг их сразу столько. Пошли выяснять причины. Оказывается, община празднует день святой Магдалины — покровительницы деревни. На дороге образовалось нечто вроде арены, здесь местные матадоры будут демонстрировать свое мастерство — деревенская коррида. И пока праздник не закончится, дорогу никто не откроет.

За обедом выяснилось, что до пункта назначения еще не доехали, надо было спешить. Оставив двоих поприсутствовать на местном празднике, остальные, вместе с приехавшим за нами из Льямеллина падре, поехали в пункт назначения. Поздно вечером прибыли в Льямеллин. При церкви была небольшая амбулатория, которую мы быстро приспособили для своих нужд и уже на утро вели прием больных. Через неделю основной поток стал спадать. Необходимо было решить вопрос о тех, кто не мог добраться до Льямеллина. Решили организовать несколько пунктов вдоль основной тропы, где можно будет принимать население из близлежащих поселков. Первый такой пункт — Чингас — был всего в двух часах верховой езды от расположения группы. Из Чингаса можно было на лошадях за 4 часа добраться до Окочао, а там через 12 часов попасть в Ако — третий пункт сбора наиболее отдаленных селений. Из Ако настойчиво просили приехать. Какая-то болезнь ежедневно уносит по две-три жизни.

В 6 часов утра из Чингас за врачами прибыли лошади, мулы и ослик... Километровый путь по ровной дороге вселил во всех уверенность, что, если они и не наездники, то держаться в седле могут. Поэтому более оптимистично настроенная, чем в начале пути, группа вступила на горную тропу. Наконец первое путешествие окончено. Отряд въезжает в Чингас. Мгновенно его окружают жители поселка. 15 минут уходит на развертывание временной амбулатории, и сразу начинается прием. Все четко организовано. Ребята уже научились общаться с больными самостоятельно, не прибегая к помощи переводчиков.

Настойчивые просьбы о приезде советских врачей поступали из многих населенных пунктов, расположенных в истоках Амазонки. Из Уакачи и Уко сообщают о высокой детской смертности. Несмотря на тяжелую тропу, в Уко отправили семь человек — всех, кого с большим трудом удалось высвободить из групп, работающих в Уайлосе. В Уари группа добирается поздно вечером. Остановка на ночь. Завтра — снова в путь. В деревне Палка автомобильная дорога обрывается, дальше можно двигаться лишь на лошади или мулах по горным тропинкам. Нужно попасть в селение индейцев Уакачи, из района которого и получены тревожные вести.

Лошади и ишаки пришли только к вечеру. За день перепаковали все грузы. Утром, пропустив вперед караван со снаряжением, тронулись в путь. Уже в сумерках въехали в Уакачи, довольно большое село, зацепившееся кривыми улочками за склон горы. У крайних домов группу встречают алькальд и учителя местной школы. Для медицинского пункта отвели кабинет директора школы — просторное помещение с земляным полом. Комната учителей, несколько большая по размерам, чем кабинет, и более темная, стала нашим жилищем. Очередь у дверей медпункта день ото дня становилась все меньше: мы работали здесь неделю. Группе предстояло перебазироваться в Уко — второе крупное поселение индейцев кечуа в этом районе.

Из Уакачи нас провожали все жители деревни от мала до велика. Площадь перед школой запружена народом. Подходят к каждому из нас,жимают руки, обнимают, просят приехать еще, а если возможно, то и остаться навсегда. Небольшой митинг. Директор школы благодарит за оказанную помощь: «Мы привыкли бояться и ненавидеть белых людей. Со времен испанских завоевателей они несли нам только смерть и нищету. Вы первые медики в этих местах. Со словом «врач» индейцы узнали слово «советский». Вокруг — улыбающиеся лица, в глазах — слезы. Из-под широких полей черной шляпы глядит старуха: она погибала от кровотечения, когда ее доставили в медпункт, — бык разодрал ей грудь. Альберто, мальчишка лет десяти, принес на прощанье показать своих боевых петухов. Когда мать привела его к врачам, лицо ребенка было обезображено гнойником. Крестьянин, в гипсовой повязке рука — Меса Ибрагим. При очередном толчке рухнул остаток стены, сам он чудом избежал смерти. Пора уезжать. У выезда на дорогу несколько индейцев, широко раскинув руки, стали поперек дороги, символически преграждая путь. Они расступаются, пропуская караван, и долго стоят над обрывом, глядя нам вслед.

Группа советских врачей в количестве десяти человек перебралась через Белые Кордильеры для оказания помощи индейскому населению на восточных склонах гор. Центральный город обширного района — Уари. Здесь расположена резиденция главы закордильерской церкви монсеньора Туйо. Монсеньор — итальянец. Большинство священников в различных районах его обширных владений тоже итальянцы. Приезд советских врачей вызвал некоторую тревогу у монсеньора и его окружения. Однако постепенно эта тревога улеглась. Когда в отдаленных районах появились очаги заболеваний, он обратился к врачам с просьбой выехать туда. Провожая их, монсеньор сказал: «Когда вы будете в этих трудных местах, гражданские власти сделают все, чтобы создать вам условия для работы. Если они что-то не сумеют, обращайтесь к военным, у них больше власти и возможностей. Если вам не сумеют помочь военные, обращайтесь к церкви. Моя власть сильнее военной и государственной». Это были не просто слова. Церковь в Перу обладает необыкновенной властью. В этих районах, оторванных от цивилизации, все идет через церковь. Кино показывает церковь, медицинскую помощь, по возможности, оказывает церковь, образование дает церковь, помощь в голодные годы — тоже церковь.

В провинции Антонио де Раймонди на Мариньоне — основном истоке Амазонки — работала группа наших врачей. Опекала эту группу сеньора Перпетуа Перес — миссионерка. Эта пожилая женщина сопровождала ребят в самых трудных поездках, делила с ними все невзгоды, работала от зари до зари. Дочь богатых родителей, она в 18 лет решила посвятить себя служению народу — миссионерству. Отец, чтобы выбить эту блажь из головы дочери, решил выдать ее замуж за богатого чиновника из Трухильо. В ночь перед свадьбой Перпетуа убежала из дома. Закончила курсы медицинских сестер. Волевая и бесстрашная, она ушла к индейцам, где занялась врачеванием и проповедью католичества. Позже церковь направила ее в Льямеллин, последний крупный поселок, находящийся перед безграничными джунглями в истоках Амазонки.

Единственный человек в этих краях, который имеет какое-то представление о медицине, она становится правой рукой падре Карлоса, местного священника, и полновластной хозяйкой всего церковного прихода, который охватывает более сорока поселков по обеим берегам Мариньона. Энергичная, она на свой

Обелиск в память погибших в авиакатастрофе по пути в Перу

страх и риск выбирает из индейских общин наиболее смелых молодых мужчин, обучает их правилам оказания доврачебной медицинской помощи, своей властью присваивает им звание санинструктора и вместе с ними организует медицинскую помощь населению. Узнав о приезде русских врачей, madre дошла до епископа Гуйо и упростила его прислать небольшую группу в ее вотчину. Когда советские врачи приехали в Льямеллин, madre старалась сделать все, чтобы максимально использовать их умения. Она не терпела возражений, даже вожди крупных общин боялись ей прекословить.

Падре Карлос — единственный священник льямеллиновской церкви — верхом на лошади по несколько дней добирается по горным тропам до своих прихожан. В каждой индейской общине падре успевает побывать не более двух раз в год. Его приезд — целое событие в жизни деревни. К этому дню приурочиваются все важнейшие дела: венчания, крестины, исповеди, судебные тяжбы.

Падре Карлос пользуется фактически неограниченной властью, так же, как и глава закордильерской церкви. Падре добирается до своих прихожан не только верхом на лошади. Там, где позволяют дороги, он с завидной скоростью водит свою служебную машину — верткий джип. Падре не только шофер, но и кино-механик: по вечерам в церкви он показывает фильмы. Кроме того, он моторист. Когда темнеет, падре включает церковный бензиновый движок, чтобы осветить кресты на церкви и дать энергию в дома богатых прихожан.

Десятки писем с просьбой оставить русских врачей поступили в адрес правительства. И это понятно. Тысячи людей, которые никогда не могли попасть на прием к врачу даже за деньги, вдруг получили эту возможность. Проводы наших групп во всех местах, где они работали, были очень трогательными. Каждый житель стремился пожать нам руки и высказать свою любовь к далекой, незнакомой «Русии». Врачи, работавшие в Юнгае, Манкосе, Мато, занесены в книгу почетных граждан этих городов. По требованию жителей Уараса имена всех участников экспедиции вписаны в «Золотую книгу почетных граждан».

Перед отъездом отряда штаб решил, по доброй традиции студентов-целинников, построить своими силами памятник товарищам, трагически погибшим на пути в Перу. Через семь дней был возведен четырехметровый обелиск из 22 камнебетонных блоков, оформленных кристаллами белого гранита. На бронзовой доске на русском и испанском языках выбито: «22 советским товарищам, погибшим в авиационной катастрофе на пути в

Республику Перу. Вы спешили на помощь населению, пострадавшему от землетрясения. Мы работали здесь, помня о вас». На открытие обелиска пришли все жители столицы департамента. Прибыли делегации из всех поселков, где работали советские врачи. Пришли подразделения перуанской армии, студенты католического университета и священники. Муниципалитет департамента принял памятник павшим на вечную сохранность и решил создать на этом месте Русскую площадь. И еще один памятник был установлен членами отряда на склоне Уаскарана на высоте 5100 м. Этот монумент посвящен 13 чехословацким альпинистам, погребенным 31 мая 1970 г. под многометровым слоем рухнувшей горной породы.

Отряд проработал в Перу 100 дней. 45 тыс. человек в 60 населенных пунктах получили медицинскую помощь, 10 тыс. сделаны прививки. Всеобщая признательность и любовь, которую завоевали врачи, фельдшеры и студенты, — вот нравственный итог работы нашего медицинского отряда.

Мы долгое время оставались для местного населения не просто «белыми» людьми, но «людьми с неба». Мы прилетали и улетали на вертолетах, мы были из не известной им страны. Некоторые даже не знали, что есть Советский Союз, где совсем иная, непонятная им жизнь. Между собой они так и называли нас: «Люди с неба». А потом, привыкнув, вкладывали в эти слова уже иной смысл. И выше всякой благодарности было для нас старательно произносимое по-русски: «Доброе утро, сеньор!».

От редакции

Отряд, о котором рассказывает Илья Константинович Комаров, — уникален. В течение всех прошедших со времен перуанской трагедии лет эти люди встречаются каждый год, отмечая день рождения отряда. Сейчас собираются уже семьями. Даже 40 лет спустя отряд живет, и живет по законам, которые, увы, давно уже не ценятся в нашем обществе, — по законам человечности, долга и профессионализма.

Из молодых когда-то врачей выросли крупные специалисты, известные не только в России, но и далеко за ее пределами. Среди членов отряда — 5 академиков, 16 докторов наук, 15 кандидатов наук и других ведущих специалистов. 16 членов отряда были награждены перуанским «Почетным орденом за особые заслуги степени Командора».

Список членов отряда

Адитяров Ринад Гуммерович — фельдшер скорой помощи (Москва)
Акчурин Ренат Сулейманович — студент 1-го ММИ им. И.М.Сеченова (Москва)
Андреев Геннадий Сергеевич — фельдшер скорой помощи (Москва)
Баженов Дмитрий Васильевич — ассистент кафедры Медицинского института (Калинин)
Балашов Виктор Николаевич — студент (Москва)
Башилов Виталий Петрович — врач (Москва)
Белобородов Геннадий Александрович — врач (Челябинск)
Бондарь Александр Степанович — переводчик (Москва)
Бокарев Игорь Николаевич — врач, ассистент, кандидат медицинских наук (Москва)
Бычков Генрих Александрович — командир отряда (Москва)
Валуев Александр Николаевич — переводчик (Москва)
Васюков Юрий Васильевич — переводчик (Ногинск)
Гадакчян Константин Армаисович — начальник штаба отряда, врач (Москва)
Головин Юрий Александрович — студент (Москва)
Горбань Нина Александровна — переводчик (Москва)

Гордеев Николай Александрович — врач (Москва)
Гребенников Владимир Ильич — фельдшер скорой помощи (Москва)
Гузнов Геннадий Иванович — врач (Москва)
Гуменюк Виктор Афанасьевич — врач, кандидат медицинских наук (Москва)
Дикий Геннадий Петрович — врач (Киев)
Живилова Наталья Павловна — студентка (Москва)
Зубков Вячеслав Павлович — студент (Москва)
Кавуненко Владимир Дмитриевич — альпинист (Москва)
Кокolina Валентина Федоровна — аспирант (Москва)
Комаров Илья Константинович — комиссар отряда (Москва)
Левченко Леонид Александрович — старший переводчик (Москва)
Лихачев Анатолий Алексеевич — врач (Хабаровск)
Майоров Аркадий Васильевич — студент (Москва)
Мальгин Герман Давыдович — врач (Свердловск)
Марков Виктор Константинович — студент (Москва)
Марков Виктор Михайлович — фельдшер (Подольск)
Микерин Сергей Михайлович — фельдшер скорой помощи (Москва)
Милехин Александр Петрович — студент (Москва)
Ноздрин Владимир Иванович — студент (Москва)
Онухова Майя Петровна — врач (Москва)
Павлов Владимир Александрович — врач (Кривой Рог)
Подольская Людмила Ефимовна — студентка (Москва)
Подольский Владимир Яковлевич — студент (Москва)
Рогова Елена Владимировна — студентка (Москва)
Романов Вячеслав Иванович — врач, кандидат медицинских наук (Москва)
Романов Михаил Вальдемарович — аспирант (Москва)
Сафонов Анатолий Борисович — врач (Москва)
Сахаров Виктор Анатольевич — врач (Москва)
Селезнев Владимир Александрович — студент (Москва)
Семеновых Герман Кириллович — студент (Москва)
Скуратов Борис Борисович — переводчик (Москва)
Скуратов Владимир Михайлович — студент (Москва)
Смирнов Виктор Борисович — студент (Москва)
Сычеников Анатолий Игоревич — студент (Москва)
Тошчаков Роберт Александрович — главный врач отряда, кандидат медицинских наук (Москва)
Трошкин Владлен Павлович — кинооператор (Москва)
Уварова Тамара Ивановна — медсестра (Москва)
Шинаев Николай Николаевич — студент (Москва)
Шинкаренко Владимир Сергеевич — студент (Москва)
Щербанюк Людмила Васильевна — студентка (Подмосковье)